

Владимир Высоцкий:

«Ни единою буквой не лгу...»

Владимир НОВИКОВ

«Не пройдет и полгода, и я появлюсь...» Написанные четверть века назад, эти слова Владимира Высоцкого неожиданно оказались пророческими. 25 января и 25 июля - дни его рождения и смерти, разделенные ровно полугодием, навсегда стали для нас памятными, «высоцкими» днями. Вновь и вновь поэты приходят к нам, чтобы поговорить о нашем «сегодня», его проблемах и противоречиях.

«Как живые» - так мы всегда говорили о героях Высоцкого. Причем многие полагали: главная заслуга поэта - «уловить», «взять прямо из жизни». Теперь, перечитывая его стихи, вновь слушая его песни, все чаще мы убеждаемся: колоритные житейские и речевые детали в мире Высоцкого - дело важное, но не главное.

«Кое-что на своей шкуре я все-таки испытал и знаю, о чем пишу, но в основном, конечно, в моих песнях процентов 80 - 90 домисла и авторской фантазии», - говорил он сам. - Я никогда не гнался за точностью в песне. Она получается как-то сама собой, не знаю отчего».

Сегодня мы, пожалуй, уже в состоянии понять, отчего. Ощущение точности возникало у нас - и сегодня возникает, и будет возникать у новых поколений - от глубины авторского сопереживания герою. Высоцкий щедро делился с персонажами своими мыслями и чувствами, своим остроумием. Но и сам отважно брал на себя их грехи и преступления. Прямо скажем, невыгодный был взаимобмен для автора. Зато в конечном счете он оказался выго-

ным для искусства, для правды, для нас с вами.

Спектр героев Высоцкого чрезвычайно богат: от людей отважных до циничных подонков, от мудрецов и пророков до тупиц и догматиков. И с каждым из них автор достигает определенного взаимопонимания.

Но трудности везде свои. Скажем, песня «Был побег на рыбок», посвященная Вадиму Туманову и основанная на рассказах этого мужественного человека, потребовала от автора предельного душевного напряжения. Иначе откуда бы взялись такие жесткие ритмы и беспощадные картины, такие ранящие сравнения: «Но поздно: зачеркнули его пули крестом - в затылок, пояс, два плеча».

Умел Высоцкий перевоплотиться и в человека совершенно ему чуждого, более того - в своего врага. Вспомним «Песню микрофона». Obviously ее на концертах, он иногда с присущим ему лукавством показывал на укрепленный на сцене микрофон и говорил: «Вот этого микрофона». Конечно, здесь была испытующая ирония: умеют ли слушатели отличить буквальный смысл от переносного. Ну и кого же он имел в виду? Может быть, конъюнктурного дельца от искусства, а может быть, чиновника - деятеля, от которого зависит «прохождение» художественных произведений? И тот, и другой могли бы сказать о себе:

В чем угодно меня обвините -

Только против себя не пойдешь:

По профессии я - усилитель, -

Я страдал, но усиливал ложь.

У Высоцкого было полное право ненавидеть «усилителей лжи», стоявших между ним и народом. Но ненависть не застилала ему глаза, не мешала вникнуть в логику поведения функционера от искусства. Высоц-

кий предполагает, а что если бы этот человек попробовал действовать иначе? И вот микрофон берет на себя несвойственные ему функции, критически оценивая то, что ему надлежало только усиливать: «Человече, опомнись, что поешь?»

Что у нас бывало с деятелями, хотя бы один раз не подчинившимися идеологическому диктату, диктатуре лжи? Что было бы с тем, кто - пофантазируем вслед за Высоцким - взял бы да и разрешил в семидесятые годы издание поэта, да еще и без купюр?

То же самое, что случилось с микрофоном:

Отвернули меня, утерли -

Заменяли меня на другой.

Он, другой, - он все стерпит

и примет, -

Он навинчен на шею мою.

Часто нас заменяют другими,

Чтобы мы не мешали вранью.

Последние две строки - просто формула кадровой политики недавнего прошлого. Снимали, впрочем, не только за ошибки, но и в ходе внутриведомственной конкурентной борьбы. Поэтому автор без малейшего злорадства говорит о бесславном финале «микрофона»:

Мы в чехле очень тесно лежали -

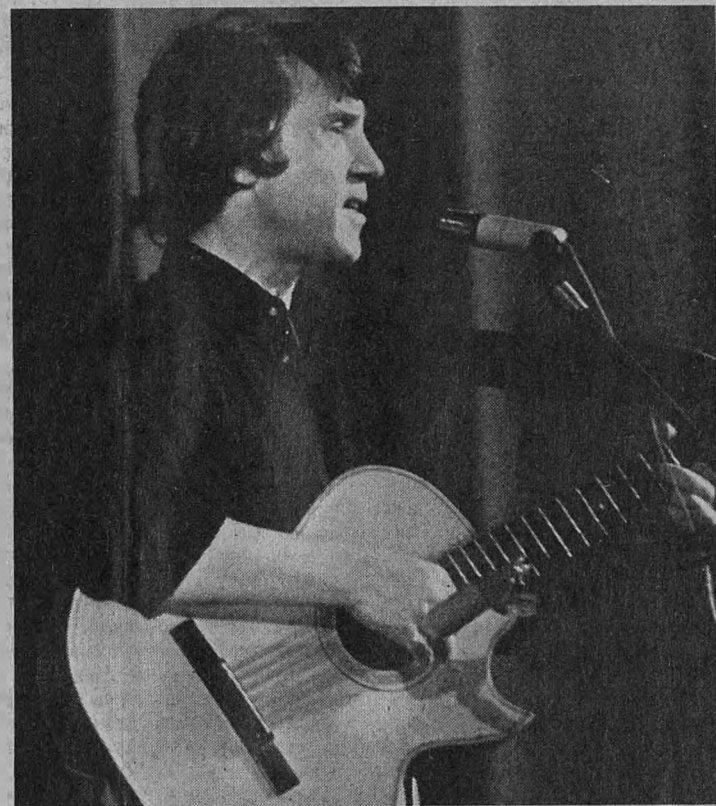
Я, штатив, и другой микрофон, -

И они мне, смеясь, рассказали,

Как он рад был, что я заменен!

Какой уж тут чехол! Скорее приемная в высокой инстанции. Стиль поведения партийных чиновников воспроизведен точно. Никакой жалости к отстраненному коллеге. Только у автора крупница этой жалости и нашлась. Потому что «свинченный микрофон» - это совсем другой человек, в нем что-то человеческое уже пробудилось.

Где сейчас перекрывавшие кисло-

род Высоцкому и мгновенно забытые деятели? Наверное, слушают его пластинки, выпуск которых столько лет тормозили, и проникаются духом либерализма?

Впрочем, Высоцкий это все описал заранее. Вспомним того же «ответственного товарища», заинтересовавшегося «Охотой на волков». Что с ним произошло? Может быть, закачалось под ним почетное кресло, может быть, обложили его резвые конкуренты, а может быть, он просто задумался о жизни?

И об стакан бутылкою звена,

Которую извлек из книжной полки,

Он выпалил: «Да это ж про меня!»

Про нас про всех - какие к черту волки!»

В мир песен Высоцкого невозможно войти только на правах зрителя и слу-

шателя. Нет здесь «партера с балкончиком» - пожалуйста, прямо на сцену, под слепящий свет, ищите свое место в разыгравшемся конфликте! Не сказав, не подумав: «Да это ж про меня!» - не понять, о чем песня и зачем она.

В иных случаях это совсем не трудно: не прочь мы увидеть себя и в непокорном Иноходе, и в символическом гонимом, штурмующем линию горизонта, а в грустную минуту готовы признать свою жизнь «прерванным полетом» и спросить себя: «По чьей вине?»

Заряд социальной трезвости и самокритичности песен Высоцкого может помочь каждому, кто не боится сравнить себя с его героями.

Узнавайте себя!